стится некто телесне, а не духовне; молитвы творит многословием, а не духом и умом; велеречит о нестяжании, а сам и крадет; славит милостыню, а сам и ограбляет и сим подобная» (С, 69). Далее Феофан переходит к характеристике другого вида лицемерия, «дебелого»: «Се же есть, егда не сами мнимою нам святынею прельщаемся, но нарочно притворяем ухищренный вид святости в прельщение людей, се же ради легкаго прибытка и приобретения суетной славы. То творим, егда пред людьми воздержницы быти показуемся, опрятаемся от ястия и пития, аще и мернаго, аще и благочестию не противнаго, и помрачаем лица (а есть хитрость на тое), да видими будем пред человеки постящеся, смыжаем очи, умильно осклабляемся, главы прекривленны носим, плачь явити тщимся, хотя не текут слезы» (С, 70). Нетрудно проследить, что этот отрывок существенно отличается по интонации от приводившихся выше выдержек из проповеди Прокоповича. На смену пафосу приходит размеренная речь, имеющая целью не возбудить, а убедить слушателя.

Подобная задача была и у Сумарокова, автора нравоучительных статей, печатавшихся в «Трудолюбивой пчеле» (1759). Выступая в качестве публициста, Сумароков ориентировался на западноевропейские сатирико-нравоучительные периодические издания начала XVIII в. Но в процессе формирования русской журнальной прозы существенное значение имели и отечественные традиции. Сумароков мог уже использовать опыт «Ежемесячных сочинений» и «Примечаний к ведомостям», которые в свою очередь во многом были обязаны прозе Феофана Прокоповича. Первые русские журналисты могли учиться у Феофана постановке актуальных вопросов, связанных с русской общественной жизнью.

Характерно, что Сумароков-прозаик нередко обращается к тем же вопросам, которые затрагивал Феофан Прокопович. Так, статья Сумарокова «Предложение разумным россиянам о принятии нового исчисления времени» соотносится со «Словом на новое 1725 лето» Прокоповича; статья «О суеверии и лицемерии» посвящена теме, к которой Феофан неоднократно обращался в своих проповедях. Любопытные соответствия можно найти в статье Сумарокова «К добру или к худу человек рождается?» и в «Слове в день коронации Анны Иоанновны» (1731) Прокоповича. Феофан рассуждает о многочисленных препятствиях, мешающих людям исполнять заповедь о любви к ближнему: «Как может быти толикая междоусобная любовь тамо, где друг друга проглотити рад бы?». Причиной этого он считает «бесчисленные во всех страсти, которые человеческое сердце поощряют и движут ко озлоблению ближнего» (III, 75). Автор «слова» приходит к печальному выводу: «Окаянный человек ни от чего толиких вредов не приемлет, как от человека» (III, 78). С этим выводом перекликаются суждения Сумарокова: «Во всех сооб-